

ДОКУМЕНТАЛИЗМ И ХРОНОЛОГИЗМ ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ ЧЕЧНИ

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.7.74.777](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.7.74.777)

Татаева Ровзан Бовкиевна
к.ф.н., доцент кафедры Литературы и МП
Чеченский государственный
педагогический институт
г. Грозный

АННОТАЦИЯ

В статье анализу подвергались произведения известных писателей о событиях историко-героического прошлого чеченцев в годы второй мировой войны, манкированные и не учтенные в советскую эпоху.

Ключевые слова: катастрофическая ситуация, проблема, трагедия, специфика.

Из века в век войны и аккомпанирующие им трагедии вовлекали писателей в круговорот форсированных событий. Именно на войне писатели обнаружили новые, наиболее точные грани человеческих душ, неведомые глубины и пределы их возможностей, более того «...писатели помогли увидеть врага» [15, с.257]. Художнику с притязаниями, сопряженными – с изображением военной действительности – надлежало «...осмыслить длительный путь, пройденный родиной, давать картины не только широкие, но глубоко продуманные, характеры не только резко очерченные, но сложные, многосторонние» [14, с. 3].

Показательна в этом отношении корреспонденция с фронта Ю. Крымова, в которой автор делится мнением о новой, неведомой ему ситуации на войне: «Вообще к войне привыкаешь и начинаешь видеть ее деловую будничную сторону. Но, странное дело, у меня нет такого ощущения от войны, какое я чувствовал у всех участников 14-го года. Роман Ремарка «На Западе без перемен» совершенно не соответствует моему восприятию. Гораздо ближе «Война и мир». Я присутствую при невиданной войне, небывалой в истории. Многое я вижу такого, о чем будут писать еще через сто лет. Это действительно Великая Отечественная война. И под ее дыханием малые люди становятся титанами. Это война – удивительная. Все мои прогнозы померкли перед действительностью. Это – грандиозная эпопея, и в ней есть все для создания такой книги, как «Война и мир». Когда я шел на войну, я думал, что это будет что-то вроде войны, изображаемой Ремарком, Барбюсом и другими писателями, которые изображали войну 14-го года. Ничего похожего! Самое близкое в литературе к тому, что я вижу, это «Война и мир» [5, с.117]. Следовательно, интерес к феномену войны для человека творческого, в основном, обусловлен побуждениями Л. Толстого, а именно – «когда один солдат убивает другого солдата».

Известно, что многие писатели были очевидцами военных событий, и это давало им право на индивидуальную концепцию и денонсацию апологетики войны; анализировать скрытые механизмы военных конфликтов. Об истинном месте войн и революций в судьбах людей задолго до второй Мировой войны писали: О. Бальзак, Э. Золя, В. Гюго и др. полагая, что именно

«... в экстремальной военной обстановке полнее раскрываются характеры героев» [4, с.31].

Война стала неисчерпаемым материалом для писателей, непосредственно участвовавших в ней (М. Шолохов, К. Симонов, В. Некрасов, В. Быков, Г. Бакланов, Х. Ошаев, М. Лукин и др.). Примечательно высказывание о войне А. Суркова: «Мы стали все придиличней и резче, изведав треволнения войны. Для нас теперь поступки, люди, вещи дрожащим светом битв освещены» [2, с.143].

Однако осмысление проблемы войны в чеченской литературе было сложным, в силу полифоничности сложившейся послевоенной ситуации. Интерес для исследования представляли произведения русскоязычных писателей Чечни: «Слово о полку Чечено-Ингушском», «Брест – опека огненный» Х. Ошаева, «Музыка для победителей», «Фронтовые были» П. Волкова, «Поединок» Л. Цирульникова, «Когда-то была война» Ю. Агаджанова, «Гарем Ефрейтора» Е. Чебалина. В данных произведениях в форме художественной летописи и «дневников войны» отражен многообразный колорит военной жизни.

Это произведения, рассказывающие о судьбах людей на фронте и об их сокровенных размышлениях, где: «тема человека на войне решалась в произведениях писателей, как тема народа, что утверждалось единством судьбы народной и судеб человеческих» [8, с.17]. Писателями «... исследовались нравственные истоки, духовный потенциал героического действия, совершенного нашим народом, открылись новые грани, новые стороны подвига советского солдата на войне» [6, с.194]. Так, в романе Е. Чебалина действия разворачиваются в независимости от судьбы, а от поступка к случаю, т.е. герои живут произвольно, в силу того, что у них нет константных правил и знаний судьбы.

Таким образом, данный путь включает в себя расстояние от фатума до избранного произвольно — действия, от пространственного поступка до — хаоса. Однако обозначенные в романе проблемы основаны на нравственности, религиозности и перманентно выступают как превратности судьбы.

В произведениях С.-Б. Арсанова, Х. Ошаева, М. Лукина, П. Волкова, Е. Чебалина и др. предельно насыщенно отражена полифония эпохи, включая вопросы патриотизма, религии, национальной

самобытности, социального различия, которые в определенные исторические промежутки приобретали исключительную важность. Нередко религиозность сочеталась с расчетом, консерватизмом, с ограниченностью интересов семейно-родовых общин, за которые жестоко боролись.

Как правило, в центре произведений — герои, создающие новую историю, поэтому писатели, создавая образы героев определенных эпох, раскрывали внутренний мир, психологию, в которой видели выражение национального духа народа. Исследуя уровень подсознания героев, тайные движения человеческой души, они раскрывали «ностальгию героев о минувшем времени» и прекрасной будущей эпохе.

Активное развитие военной темы в чеченской литературе прослеживается с 60-80гг. прошлого века. Появились произведения исторического содержания «От Терека до Эльбы» М. Висаитова, «Звери» Х. Осмиева, «Дубовая роща» А. Бокова, «Раненая анкета» З. Муталибова (произведения выходили на русском и родном языках). Отличительной чертой названных выше произведений стала автобиографичность и близость к мемуарному жанру, придающая достоверность и точность изображению войны. При этом в них сочетаются возвышенный лиризм и высокая художественность.

Ремарочные отступления авторов с размышлениеми и воспоминаниями героев стали не просто характерными особенностями, а функциональными свойствами художественной манеры и творческой индивидуальности писателей. Эти обобщения, четко выделившиеся в произведениях, насыщены глубокой любовью к родине и друзьям, которые остались в тылу и на полях сражений. Показательно и то, что на фоне героики Великой Отечественной войны в этих произведениях прослеживается осознанная мысль о фатальности судьбы человека и страны.

Полярность расцвета и становления чеченской прозы на историческую тему обусловлена катастрофической ситуацией из-за сложных коллизий людей военного поколения сопряженных с трагедией жертв сталинских репрессий. Писатели признают, что катастрофа неизбежна, а значит, является началом новой эпохи.

Для усиления идеиного содержания произведений чеченские писатели обращались к проблеме характера героя на войне, которая могла быть решена только в определенных условиях. Нередко авторы стремились передать в характеристиках героев особо индивидуальное, отождествляющее их с фольклорными героями и традициями, что объединяло восторженность национальных чувств с образной спецификой народного творчества. Ярким примером тому явилась книга Х. Ошаева «Слово о полку Чечено-Ингушском», которая относится к художественно-документальному жанру.

В жанровом отношении книга Халида Ошаева восходит к традициям русской литературы, а

именно к жанру «Слова». Ярчайшим примером является «Слово о полку Игореве», но применяется уже к другой исторической ситуации.

Книга «Слово о полку Чечено-Ингушском» Х. Ошаева состоит из двух повестей: «Брест – орешек огненный» и «255-й Чечено-Ингушский», рассказов-очерков героев, воевавших в Брестской крепости и под Сталинградом, а также двух рассказов-былей «Нарушители его воли» и «Чайра».

Х. Ошаев систематизировал рассказы очевидцев и участников обороны цитадели, дополнил их историческими документами и фактами: «Для защитников крепости дни и ночи слились в какое-то сплошное смутное марево, где нет ни часов, ни минут, ни сна, ни отдыха, потому что противник беспокоил и не переставал ни на минуту» [9, с.16].

В духе В.П. Некрасова им были представлены эпизоды, где изображены страдания раненых, жен и детей офицерского состава. Трагедия осажденных в форте умножилась тем, что немецкие диверсанты вывели из строя электричество и водопровод. Особо ярко изображено автором состояние ужаса солдат, в который их ввергли смерть и крики детей, их сознание отказывалось видеть и слышать реальность: «Иные бойцы не выдерживали, шли за стену с риском для жизни и приносили детям и раненым котелок воды. А иные из них так и остались у берега с вывалившимися из рук посудиной. ... Потом начался голод. Щеки и глаза у бойцов ввалились, губы потрескались, худые, пыльные, бронзовые лица заросли щетиной. Но глаза у всех горели неугасимой злобой и ненавистью к врагу» [10, с.34].

Отдельные повествования в книге ведут оставшиеся в живых участники обороны. Так, при написании некоторых глав широко использовался труд подполковника А. Крупенникова, приложены мемуары генерал-полковника Л.М. Сандалова, бывшего начальника штаба 4-й армии.

Воззвание Х. Ошаева тождественен словам В. Субботина, который писал: «Я не люблю безымянных братских могил, как и условных символических памятников. Я бы каждое имя выбрал на граните. Все, кто лежит в своих затерянных могилах. По всей Европе. По всей России. В могилах с холмиками и без холмиков. Все – и живые, и мертвые – достойны славы. Мертвые – тем паче. Никто не должен быть забыт. Никого нельзя забывать» [11. С.292- 297].

Высокую оценку книге Х. Ошаева дал М.Н. Музав: «... выход в свет неизданных ранее произведений Халида Ошаева не только существенно дополняет наши представления о его творческом наследии, но и является вкладом в разработку важнейших страниц чеченской истории» [7. С. 3].

Правда об участии депортированных народов в Великой Отечественной войне была запрещена. Так, в 1973г. на X съезде Чечено-Ингушского пленума обкома КПСС подвергся критике двухтомник «Очерки истории Чечено-Ингушской

АССР», что являлось очередным прессингом творчества чеченских и ингушских писателей.

Скрупулезному анализу подвергались произведения чеченских писателей с целью сохранения рамок исторической концепции, созданных в советскую эпоху. Однако вопреки сложившемуся мнению идеологов с макировкой относящихся к истории Чечни, писатели продолжали рассказывать правду об историко-героическом прошлом чеченцев и ингушей.

Правда о важнейшем историческом периоде в жизни чеченского народа, а именно об историко-героическом прошлом чеченцев и ингушей, участвовавших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., воспроизведена в произведениях русских писателей гуманистического направления: А. Горлова «Огненный, огненный конь», Н. Попеля «В тяжелую пору», А. Чуксина «Орлиное племя», А. Попова «Революционная Чечня в огне сражений», Р. Белевитнева «Прометей в танковом шлеме», Г. Пенежко «Записки советского офицера», П. Лебедева «Казбек принимает бой» и.т.д., что определило их гражданское мужество и преданность всему советскому народу в период испытаний.

Особенность их творчества заключается в том, что на документальной основе они запечатлели великое единение людей на войне, имеющее важное историческое значение. Один из них З. Муталибов, творчеству которого Х. Туркаев дает следующую оценку: «Его творчество характеризуется стремительным расширением тематического диапазона, углублением содержания, повышением писательского мастерства» [13. С. 187].

В книгах Н.К. Попеля «В тяжелую пору» и В. Пенежко «Записки советского офицера» рассказывается о подвиге командира танкового батальона М. Мазаева. Писатели независимо друг от друга показали героизм М. Мазаева и типизировали образ чеченца на войне.

Отличительной особенностью книги Г. Пенежко является то, что в основу повествования положены записи его фронтовых дневников, которые автор вел с первых дней войны и до ее конца, и записи о подвиге М. Мазаева помогли восстановить историческую правду. Особенно глубоко раскрыть характер М. Мазаева удалось Р.А. Белевитневу в художественно-документальной повести «Прометей в танковом шлеме». Автор и герой были боевыми друзьями и близкими товарищами. Писатель раскрыл богатый духовный мир М. Мазаева, его мужество и великолудие.

А. Горлов в романе-хронике «Огненный, огненный конь» рассказал о пулеметчике Х. Нурадилове, которому посвящены поэтические строки Е. Долматовского и Н. Сергеева. А. Горлов восторженно относится к своему герою, показывая его на фоне военных событий вместе с боевыми товарищами, что сделало картину насыщенной и

острой. Этот подход позволил писателю передать настроение бойцов, рассказать о повседневности быта. Созданная контрастность подчеркивает интернационализм и идейную возвышенность защитников, выраженная в единении народа и в индивидуальной обрисовке каждой отдельной судьбы.

У большинства писателей «смутной эпохи» была потребность писать о войне, поскольку выстраданные убеждения, добытые на полях войны, были подтверждены достоверными записями. Конечно же, в них нет и, не было стройного сцепления событий и характеров, а были: «... внезапно вторгшиеся в поле зрения писателя факты и порождаемые ими впечатления, которые характерны для военной действительности, в которых существуют и цельность, и последовательность, и внутренняя связанность» [3. С. 143].

В целом, тема «человек и война» является перманентно актуальной в мировом литературном процессе. Совершенно справедливо по этому поводу сказал Л. Тимофеев: «... художник может не писать о войне, но обязан писатьвойной, то есть воспринимать любое явление жизни в аспекте центрального конфликта, ее определяющего, хотя бы о нем он непосредственно и не говорил» [12. С. 90].

Список литературы:

- [1] Гринберг И. Два крыла литературы. – М., 1982. – С. 143.
- [2] Кацаев С-Х. Писатель и война. (Эссе) // Вайнах. №5. 2003. С. 31
- [3] Крымов Ю. Письма с фронта. 27 июня – 19 сентября 1941 года // Знамя. – 1944. – № 3. – С. 117.
- [4] Ломидзе Г. Испытание на нравственную прочность // Ленинизм и судьбы национальных литератур. – М., 1972. – С. 194.
- [5] Мусаев Н. «Слово о полку Чечено-Ингушском» Х. Ошаева // Вайнах. – 2004. – № 5. – С. 3.
- [6] Мусаев Х., Ужахова Р. Тема Великой Отечественной войны в чеченском и ингушском рассказе // Чеченский и ингушский рассказ (проблемы жанра). – Грозный, 1987. – С. 17.
- [7] Ошаев Х. Брест – орешек огненный // Битва за крепость. – Грозный, 1990. – С. 16.
- [8] Ошаев Х. Брест – орешек огненный // Битва за крепость. – Грозный, 1990. – С. 34.
- [9] Субботин В. Как кончаются войны. – М. 1968. – С. 292–297.
- [10] Тимофеев Л. По воле истории / На пути к зрелости. – М., 1979. – С. 90.
- [11] Туркаев Х., Кусаев А. Писатели Чечни. – Грозный, 2005. – С. 187.
- [12] Федин К. У порога // Литературная газета. – 1945. – 1 января. – С. 3.
- [13[1]] Эренбург И. Война (апрель 1943 – март 1944). – Москва, 1944. – С. 257.